

УДК 821.161.1(091)

«ГОТИЧЕСКАЯ» СТИЛИСТИКА В ДРАМАТУРГИИ Г.Р.ДЕРЖАВИНА (ТРАГЕДИЯ «ТЕМНЫЙ»)

© Т.В.Федосеева

В статье в контексте поэтики русского предромантизма рубежа XVIII-XIX веков исследуется влияние жанрово-концептной традиции готической литературы в драматургии Г.Р.Державина. Первые пьеса рассмотрена не просто в системе цикла исторических драматических произведений писателя, но и как оригинальная российская вариация общеевропейского литературного явления. Все вышеозначенное позволяет автору обосновать на своем материале новую концепцию идеологической природы русского предромантизма.

Ключевые слова: предромантизм, драматургия, Г.Р.Державин, «готический» стиль в литературе, исторический сюжет.

Драматургия предромантического периода, как неоднократно было уже отмечено исследователями, развивалась в трансформации классических жанров под воздействием новых – «слезной комедии», мелодрамы, оперы. В трудах современных ученых рассматривается судьба жанров «исторической трагедии» во Франции, «готической драмы» в Англии, «бардиты» в Германии (синкретический жанр с чертами трагедии, поэмы, оратории, выработанный в творчестве Ф.Г.Клопштока) [1: 305-330].

Самое широкое распространение в России конца XVIII – начала XIX века, по свидетельству мемуаристов, получила литературная «готика», заинтересовав собой не только массового читателя, но также и представителей интеллектуальной элиты. Так, известный казанский поэт Г.П.Каменев, который в 1800 году познакомился в Москве с семейством Тургеневых, очевидно, и со всем кружком созданного при Московском университете Дружеского литературного общества, замечал, что в число страстно любимых молодыми московскими литераторами авторов входили не только Гете и Шиллер, но также Шпиз и Коцебу [2: 120]. И для читателей, и для поэтов была привлекательна «готическая» стилистика: «живописание» стихий природы и человеческих страстей, таинственность и недосказанность, символичность и смысловая емкость художественной детали. В.Скотт, ставший одним из первых критиков готического стиля Анны Радклиф, определил его как «драматический» [3: 353]. Описания «дикой» природы и полуразрушенного старинного замка создавали атмосферу предчувствия, недосказанности, таинственной загадочности событий. Внешняя обстановка, увлекающая читателя изобразительной яркостью, воздействует непосредственно на его воображение и чувства. Готическая стилистика органично во-

шла в русскую поэзию и драматургию как способ воссоздания обстановки средневековья, и была взята на вооружение Г.Р.Державиным, в поле зрения которого в самом начале XIX века оказались сюжеты из древней русской истории.

Трагедия «Темный» (1808) основана на древнем летописном сюжете о трагической судьбе великого московского князя Василия II Васильевича, который автором трагедии преобразуется с целью усиления конфликта. Князь Василий и его двоюродный брат Шемяка – соперники не только во власти, но и в любви, «без чего бы характеры их были не разительны, а разговоры холодны», замечает автор в предисловии [4: 385].

Вражда братьев выливается в трагическое противостояние Темного, воплотившего, по воле Державина, «кроткую христианскую твердость» и смирение, Шемяке, которым движет незаконная страсть. В этом противостоянии угадывается характер конфликта нового «готического» романа, где добродетельный персонаж выступает в роли жертвы, терпит лишения и несправедливые гонения со стороны «злодея», но неизменно превосходит его силой духа и цельностью натуры.

Действие трагедии открывается монологом заглавного героя, который кается в том, что стал невольной причиной страданий близких ему людей, жены и сыновей, разделивших с ним изгнание. Склонностью к рефлексии наделяется также и выступающий в роли гонителя-злодея Шемяка, образ которого, соответственно готической традиции, наделяется внутренней сложностью и противоречивостью. Он не просто осознает свои злодеяния, но также и противоестественность их, направленных на семью кровного родственника: «...Я чувствую в груди томленье духа, / Стенанье братнино как гром для брантя слуха» [4: 404]. Обращаясь к Марии, которую продолжает любить, несмотря на прошедшие в разлуке годы,

признается, что причиной творимых им злодеяний является личный эгоизм, а вовсе не польза отечества. Шемяка трогателен в выражении любви и в признании тщетных усилий, направленных на то, чтобы побороть свою страсть к Марии.

Из монолога заглавного героя трагедии мы узнаем, что поводом для ссоры с братом послужил священный пояс, по преданию привезенный равноапостольной княгиней Ольгой из Византии. Ответственность за его сохранность возлагалась на старшего князя. Кладенец с поясом был похищен, и в этом усматривалось нерадение Василия на престоле, которое должно было повлечь за собой неблагополучие страны.

В финале трагедии Шемяка признает свое поражение – «Великодушием меня ты победил!». Он убивает себя и старшего своего боярина Шигу. Причиной раскаяния стал жертвенный подвиг Василия, заслонившего брата от меча своего старшего сына Иоанна. Таким образом, конфликт пьесы неоднозначен. Шемяка, занимающий в системе персонажей место злодей-преследователя, не являет собой схематическое воплощение злодейства, его поступки мотивированы несправедливым поправанием в прошлом его любви к Марии, вмешательством недоброжелателей, поссоривших братьев, эгоизмом и корыстными действиями воевод.

Отношения братьев осложняются течением внутренней жизни каждого, их склонностью к напряженным эмоциям, мотивация которых обретается не только во внешних обстоятельствах, но и во внутреннем мире. Эта мотивация придает всему действию пьесы, а в особенности ее финалу, ярко выраженный мелодраматический эффект. Сама обстановка, в которой едва не свершилась казнь невинных, живописуется автором в соответствующей моменту стилистике: они шествуют по сцене «в цепях, с завязанными глазами, в белых присмертных одеждах», в сопровождении воевод, палачей и воинов, из которых «одни несут на плечах плахи с воткнутыми топорами, другие же в левых руках – бледно светящиеся факелы, а в правых обнаженные мечи...» [4: 458]. Повышенная экспрессия описания явно свидетельствует о предромантическом характере стилистики пьесы.

Рассмотрение ее с точки зрения классицистической традиции заставляет ученых развивать мысль о художественном несовершенстве трагедий Державина, констатировать, что им «не хватало главного – внутреннего драматического конфликта как движущего начала сценического действия» [5: 125-156]. В действительности же драматический конфликт приобретает у Державина

неклассическое течение: его напряженность сосредоточена во всем богатейшем спектре сильных и противоречивых эмоций, переживаемых героями – страха, отчаяния, недоумения, удивления, смущения, смятения, ужаса, ярости. Этим эмоциям автор дает сценическое выражение, сообщая в ремарках, что герои плачут, рыдают, говорят сквозь слезы, вздыхают, обнимают и целуют друг друга. В пьесе выстраивается последовательность сцен, вскрывающих сложность ситуации и неоднозначность характера Шемяки, активно действующего, в отличие от занявшего страдательную позицию Темного. «Злодей-преследователь» наделяется более развернутой и содержательной характеристикой, чем его добродетельная жертва. Именно таким был тип соотношения героев в предромантической «готике».

Композиционным центром «готического» романа, как известно, является образ старинного замка, окруженного дикой природой и овеянного некоторой тайной. В трагедии Державина место готического замка занимает подробно описанная поляна в диком лесу с жалкой полуразрушенной хижиной, где скрываются изгнанники. Это описание, данное в самом начале пьесы, приобретает характер и значение важнейшего смыслообразующего фактора. Хотя и в нем исследователи находили слабое место Державина-драматурга. Державинские пьесы были справедливо отнесены к числу «предромантических», и на основании особого значения ремарок – максимально развернутых и детализированных – делается замечание об их избыточности. Державин, по мысли исследователя, «загромождает сцену предметами, чья роль еще далеко впереди» [6: 65].

Между тем описание места действия живописно, в художественном отношении самоценно и включает в себя выразительные элементы предромантического пейзажа, символического по значению и отличающегося знаками движения времени. Сцена представляет уединенный уголок природы: «...Сквозь просек по одной стороне виден город Углич, церковь, колокольня и княжий терем; с другой – небольшая хижина, близ которой сверху одного холма падает шумящий источник; овин, испускающий дым, скирд хлеба и навес, открытый, с соломой. – Посредине бурею сломленный дуб. – Вдоль пустыни дорога, покрытая порошею [4: 389]. Осенний пейзаж чужд искусственности, с одной стороны, с другой же, в характерных для него деталях – символических. Своим возвышенным и сдержанным эмоциональным строем он созвучен страданиям невольных изгнанников, жалкое прибежище которых композиционно противопоставлено обита-

лицу власти, где «церковь, колокольня и княжий терем». Данная в самом начале пьесы развернутая авторская ремарка становится эмоционально-психологическим и идейно-тематическим центром произведения. Как и в «готическом» романе, в пьесе Державина художественное пространство «семантизировано». Вряд ли можно принять теперь утверждение о том, что подробно описанное автором место действия отвечает лишь цели соблюдения классицистического правила единства места [7].

«Готическая» стилистика поддерживается в пьесе также образом Багрима, одного из второстепенных персонажей трагедии. Он вместе с Темным стал жертвой интриги, был изгнан из княжеского дворца по ложному доносу. В авторской ремарке сказано: «Багрим, смиренною одеждою и большою седою бородою изображает пустынножителя» [4: 395]. Именно с образом пустытника, отшельника в готической традиции связывалось воплощение нравственного закона и высшей правды. С этим образом в пьесу вводится важнейшая для автора идея преданности гражданскому долгу и мысль о верности присяге как выражение его личной убежденности, а не следования традиции. Образ пустытника, который в средневековье воплощал непреклонность истово верующего и гонимого властью христианина, близок автору и являет собой воплощение авторской рефлексии по поводу важнейших мировоззренческих и этических проблем, поднимаемых в произведении.

Изучение одной из трагедий Г.Р.Державина убеждает в общности ее поэтики с предромантической поэтикой «готического» жанра. В качестве основных свойств мы выделяем линейный

принцип композиционного строения и «семантизацию» пространства, развитие конфликтных отношений главных действующих лиц по типу «злодей-преследователь – жертва». Антагонизм героев статичен, однако в постоянном движении находится их внутренний мир, что составляет движущую силу пьесы. Принципиально важной для Державина оказывается также возможность самовыражения, личностной рефлексии.

1. *Луков Вл.А.* Предромантизм. – М.: Наука, 2006. – 683 с.
2. *Бобров Е.А.* Литература и просвещение в России XIX в. Материалы исследования и заметки. В 4-х т. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1901 – 1902. – 900 с.
3. *Радклиф А.* Итальянец. – М.: Ладомир; Наука, 2000. – 528 с. (Литературные памятники)
4. *Державин Г.Р.* Сочинения: в 9 т. – Т. 4. – СПб., 1867. – С. 213. В дальнейшем это издание цитируется с указанием тома и страницы в круглых скобках (IV, 213).
5. *Стенник Ю.В.* Жанр трагедии в русской литературе эпохи классицизма. – Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1981. – 174 с.
6. *Сперантов В.В.* Поэтика ремарки в русской трагедии XVIII – начала XIX века (к типологии литературных направлений) // *Philologica*. – Т. 5. – № 11/13. – 1998. – С. 10 – 30.
7. *Кокшенина К.А.* Драматические сочинения Г.Р.Державина // Г.Р.Державин и русская литература / отв. ред. А.С.Курилов. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.derzhavin-poetry.ru/books/derzhavin-i-russkaya-literatura.html> (дата обращения: 23.04.2014).

«GOTHIC» STYLE IN G.R.DERZHAVIN'S DRAMATURGY («DARK»: THE TRAGEDY)

T.V.Fedoseeva

The article deals with the influence traditions of gothic literature have on G.R. Derzhavin's dramaturgy in the context of Russian pre-romanticism of the 18th – 19th centuries. It is the first time the play has been discussed both within the cycle of the writer's historical dramas, and as an original Russian variation of a European literary phenomenon. Based on this material, the article creates and substantiates a new conception of Russian pre-romanticism.

Key words: pre-romanticism, dramaturgy, G.R.Derzhavin, “gothic”, literary style, historical plot.

1. *Lukov Vl.A.* Predromantizm. – М.: Nauka, 2006. – 683 s. (in Russian)
2. *Bobrov E.A.* Literatura i prosveshhenie v Rossii XIX v. Materialy issledovaniya i zametki. V 4-x t. – Kazan': Tipo-lit. Imp. un-ta, 1901 – 1902. – 900 s. (in Russian)
3. *Radklif A.* Ital'yanec. – М.: Ladomir; Nauka, 2000. – 528 s. (Literaturnye pamyatniki) (in Russian)
4. *Derzhavin G.R.* Sochineniya: v 9 t. – Т. 4. – SPb., 1867. – S. 213. V dal'nejshem e'to izdanie citiruetsya s ukazaniem тома i stranicy v kruglyx skobkax (IV, 213) (in Russian)

5. *Stennik Yu.V.* Zhanr tragedii v russoj literature e'poxi klassicizma. – L.: Nauka; Leningr. otd-e, 1981. – 174 s. (in Russian)
6. *Sperantov V.V.* Poe'tika remarki v russoj tragedii XVIII – nachala XIX veka (k tipologii literaturnyx napravlenij) // *Philologica*. – Т. 5. – № 11/13. – 1998. – S. 10 – 30. (in Russian)
7. *Koksheneva K.A.* Dramaticheskie sochineniya G.R.Derzhavina // *G.R.Derzhavin i russkaya literatura / otv. red. A.S.Kurilov*. – М.: IMLI RAN, 2007. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.derzhavin-poetry.ru/books/derzhavin-i-russkaya-literatura.html> (data obrashheniya: 23.04.2014). (in Russian)

* * * * *

Федосеева Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета им.С.А.Есенина.

390000, Россия, Рязань, ул.Свободы, д.46.
E-mail: t.fedoseeva@rsu.edu.ru

Fedoseeva Tatyana Vasilievna – Doctor of Philology, Professor, Department of Literature, Faculty of Philology and National Culture, Ryazan State University named after S.A.Yesenin.

46 Svobody Str., Ryazan, 390000, Russia
E-mail: t.fedoseeva@rsu.edu.ru

Поступила в редакцию 14.07.2014